

Студент... признаёт вину

Два дня назад

В четвёртый день месяца, когда пришло время возвращаться в училище, Чу Цы и его спутники добрались до места уже в глубоких сумерках.

Едва юноша отпер дверь своей комнаты, как услышал скрип по соседству.

— Брат Чу, — окликнул его Чэнь Цзыфан, — не найдётся ли у тебя свободного времени? Я хотел бы зайти к главе академии.

— К главе академии? — Чу Цы удивился. Судя по тону, Чэнь Цзыфан хотел, чтобы он составил ему компанию.

— Именно. Разве мы не основали вчера своё Учебное общество? В областном центре заведено так: о создании общества нужно докладывать главе академии, представляя работы, написанные при его открытии. Раз в два месяца наставники отбирают лучшие статьи и выпускают листок для чтения, чтобы другие ученики могли изучать их и участвовать в обсуждениях.

Молодой человек понимающе кивнул. Идея была здоровой: авторы могли прославиться, а остальные — почерпнуть знания из чужих трудов. Хотя в уездном училище такая практика ещё не прижилась, собеседник вполне мог стать первопроходцем, и со временем это начинание принесло бы хорошие плоды.

Когда они изложили своё предложение главе Куну, тот охотно согласился. Он уже что-то слышал об их затее, но не знал подробностей; объяснения Чэнь Цзыфана заставили его оценить пользу подобных объединений.

Приняв из рук Чу Цы листок с темой обсуждения и просмотрев их совместные сочинения, глава академии лишь вздохнул — плоды коллективного раздумья воистину оказались богаче одиночных трудов.

— Вот оригиналы их работ, написанные в ту ночь. Здесь стоят подписи восьмерых человек и указана дата. Если кто-то не верит — подойдите и убедитесь сами.

После того как глава Кун разъяснил суть дела, лица смутьянов побледнели. Особенно жалко выглядел Шэнь Юэ: ещё минуту назад он мнил, что в его руках неоспоримые улики, а теперь его лицо стало белым как саван.

— Вы, ученики, забыли о почтении к старшим и осмелились на подобное самоуправство. Видно, я не в силах вас обучать. Собирайте вещи и возвращайтесь по домам.

Уездное училище было высшим учебным заведением округа, и глава академии обладал абсолютным правом исключить любого студента.

— Глава академии! — вскричал Шэнь Юэ. — Неужели простое сомнение заслуживает столь суровой кары?

Глава Кун холодно усмехнулся:

— Если ты заподозрил товарища в обмане, почему не доложил наставникам, а предпочёл тайно подговорить других и устроить допрос? Даже когда мы явились, чтобы разобраться, ты не унялся, а продолжал упорствовать, обвиняя нас в укрывательстве. Разве ты не рассчитывал раздуть скандал, чтобы силой принудить нас к расправе над ними? Более того, ты самовольно ворвался в чужое жилище и рылся в чужих вещах. Ты ещё не стал «батюшкой-чиновником», но боюсь, если тебе когда-нибудь посчастливится занять этот пост, ты окажешься лишь глупцом, губящим вверенный ему народ!

Смутьян застыл, поражённый этими словами. Им двигал мимолётный порыв, он поддался чужим речам и вскипел от праведного гнева...

«Неужели я действительно совершил роковую ошибку?»

«Глупый чиновник? — Ха! Учитель на глазах у всех вынес такой приговор — есть ли теперь у него хоть какая-то надежда на будущее?»

Другие юноши, до того полные решимости, мгновенно зарыдали. Если их исключат, дома отцы их живьём в землю закопают.

— Глава академии, мы ни в чём не виноваты! Это всё... это всё Шэнь Цзыду придумал! Он сказал, что результаты экзамена подозрительны, что у него есть доказательства и ему нужны свидетели. Только поэтому мы пошли за ним в комнату Чжоу Чэнъюаня, когда вывесили списки!

— Верно, глава Кун, рассудите здраво! Мы лишь поддались его уговорам и пошли свидетельствовать, у нас и в мыслях не было идти против наставников!

Те, кто стоял подле обвиняемого, теперь шарахались от него как от прокажённого. Они

обливались слезами и соплями, из кожи вон лезли, лишь бы доказать свою непричастность.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — внезапно тот закинул голову и разразился диким смехом.

Окружающие в ужасе отпрянули, решив, что парень лишился рассудка, не выдержав позора исключения.

Отсмеявшись, он обвёл бывших сторонников покрасневшими глазами:

— Жалкие, ничтожные людишки... Сначала вы кипели от негодования, а как пришла беда — свалили всё на меня одного. Хороши, ничего не скажешь!

Затем он перевёл взгляд на Чу Цы и его друзей, а после — на главу академии:

— Я знаю, что вы покрываете друг друга! У меня просто нет улик, чтобы сорвать с вас маски! Сегодня вы гоните меня прочь, но клянусь — вы ещё пожалеете! Вы все заплатите за то, как обошлись со мной сегодня!

Глядя на его растущее возбуждение, Чу Цы заметил, как Шэнь Юэ то и дело косится на массивную каменную стелу у Башни Дэнцзюэ. В голове мгновенно вспыхнула тревожная догадка.

— Беда! Вэньхай, хватай его!

Не успел Чу Цы договорить, как безумец, словно стрела, спущенная с тетивы, рванулся к надгробию. Если бы Чу Цы не предвидел этого и не бросился наперерез вместе с Чжан Вэньхаем, кровь бы в тот же миг окропила камни училища.

Трое столкнулись и повалились на землю. Остальные наконец опомнились и гурьбой навалились на Шэнь Юэ, не давая ему подняться.

— Безумец! Истинный безумец! — глава Кун с облегчением выдохнул и горестно вздохнул.

Не подоспей Чу Цы вовремя, главе академии пришлось бы отвечать за смерть ученика. Репутация, которую он копил годами, едва не рассыпалась в прах по вине этого юнца.

Когда Шэнь Юэ наконец связали, он внезапно сломался и зарыдал навзрыд. На душе у присутствующих стало тоскливо. Те ученики, что недавно обвиняли его, теперь лишь стыдливо прятали глаза.

— Отведите его в общежитие и присматривайте за ним. Завтра утром отправьте его домой в

конном экипаже и передайте лично в руки родителям, — распорядился глава Кун. Он уже собирался уходить, когда голос Чу Цы остановил его.

— Глава академии, позвольте спросить ещё об одном деле. Хотелось бы прояснить всё до конца, пока все в сборе.

— О чём ты хочешь спросить? — Кун выглядел изнурённым.

— Я только что осведомился у брата Чжоу: комнаты этих учеников находятся очень далеко от его собственной. Мне не даёт покоя вопрос — откуда они узнали, где лежат бумаги? Неужели они по ночам подглядывали в окна, следя за каждым движением брата Чжоу? — с лёгкой улыбкой произнёс Чу Цы.

— Ничего мы не подглядывали! — выкрикнул один из участников обыска, но тут же замолк под суровым взглядом главы академии.

— Шэнь Цзыду сказал нам, — признался другой ученик, — он уверял, что знает об обмане Чжоу Чэнъюаня и знает, где тот прячет записи. Он просил нас пойти с ним в качестве свидетелей, чтобы никто не обвинил его в клевете.

— Хорошо. Тогда возникает второй вопрос. Как всем известно, сегодня день оглашения списков — важнейшее событие, решающее, в каком классе мы продолжим учёбу. Уверен, каждый из вас пришёл сюда пораньше, верно?

Ученики согласно закивали.

— В комнатах хранятся личные вещи каждого. Чтобы избежать подозрений в воровстве, преподаватели ещё при зачислении строго велели нам запира́ть двери, уходя, — так ли это?

Снова дружные кивки.

— Тогда как же вы попали внутрь? — вкрадчиво спросил Чу Цы. Он окинул взглядом толпу; многие уже начали хмуриться, явно осознавая неладное.

Один из причастных вспомнил:

— Когда мы шли за Шэнь Цзыду, дверь в комнату Чжоу Чэнъюаня была не заперта, она стояла приоткрытой. Нам стоило лишь толкнуть её. Мы решили, что сама судьба благоволит нам, и даже не подумали о подвохе.

— Брат Чжоу, — обратился молодой человек, — назови, пожалуйста, имена тех троих, что живут с тобой в одной комнате.

Чжоу Чэньюань кивнул:

— Кроме меня там живут Ван Юань, Сян Го и Сюй Цзянь.

Услышав свои имена, Ван Юань и Сян Го поспешили заявить:

— Мы ушли вместе с Чжан Цянем и его соседями ещё до того, как комнату покинул брат Чжоу. Мы всё утро были с ними и в комнату не возвращались. Они могут подтвердить.

Чжан Цянь и другие свидетели кивнули.

Чу Цы открыл было рот, чтобы продолжить, но его внезапно перебил Хэ Цзинь:

— Чу Цы, к чему все эти пустые разговоры? У нас нет времени играть с тобой в судей. Мы все устали стоять, позвольте мне откланяться!

— О, неужто брат Хэ занервничал? Глава академии и наставники ещё не закончили, а ты уже рвёшься прочь.

— С чего бы мне нервничать? — Хэ Цзинь процедил слова сквозь зубы.

— Если нет причин для беспокойства, то останься ещё ненадолго. Устанешь — присядь вон там, но если уйдёшь сейчас, это сочтут за признание в нечистой совести.

Чу Цы перестал улыбаться. Его лицо стало суровым, и он пустил в ход свой старый приём — пронзительный, леденящий взгляд классного руководителя, от которого у любого пробежали мурашки.

— Сегодня чуть не оборвалась человеческая жизнь. Уверен, все хотят знать правду. Никто не желает в следующий раз стать жертвой подобного ослепления, верно?

— Всем оставаться на местах. Слушайте внимательно, — веско добавил глава Кун.

Учитель Чжу тихо шепнул учителю Цинь:

— А твой ученик обладает истинным величием «того, перед кем трепещут смутьяны». Неудивительно, что он даже того старого упряма очаровал.

Учитель Цинь лишь тонко улыбнулся, храня молчание.

— ...Мы остановились на том, что с братом Чжоу живёт ещё и брат Сюй. Не найдётся ли у него свидетелей? Ах, кстати, о брате Сюе — как твоё самочувствие? Помнится, вчера на экзамене тебя так крутило от боли в животе, что ты едва не испортил мою работу.

Чу Цы намеренно связал эти два факта, и взгляды учеников мгновенно стали двусмысленными. Юноша неловко пробормотал:

— Живот больше не болит. Дверь я не открывал... А что до свидетелей, Ци... то есть Цюй Ян может подтвердить, что я был с ним!

Цюй Ян, услышав своё имя, впал в замешательство:

— Я всё утро только на списки и смотрел, тебя рядом и в помине не было. Прости, не могу я за тебя поручиться.

Сюй Цзянь стиснул зубы и наконец выдал:

— Да, это я оставил дверь открытой! Ну и что с того? Я просто забыл её запереть, когда выходил, а признаваться не хотел, чтобы наставники не бранили. Разве это доказывает, что я замыслил зло?

— Хорошо, с дверью разобрались. Теперь ответьте: как вы узнали, где спрятаны записи? Брат Чжоу человек осторожный, он не бросает вещи где попало. Просто так их не найти.

— Как только мы вошли, Шэнь Цзыду сразу достал ключ из-под подушки Чжоу Чэньюаня, отпер сундук под кроватью и вытащил бумаги, — ответил один из учеников.

— Брат Шэнь, откуда тебе это было известно? — мягко спросил Чу Цы, пытаясь направить того к признанию. — Тот, кто не знает привычек человека или не видел всё своими глазами, никогда не нашёл бы ключ в таком месте.

— Ха! Не трудись строить догадки, я тебе ничего не скажу! — Шэнь Юэ немного успокоился, но гнев в нём всё ещё кипел. — Вам мало того, что вы погубили меня, хотите ещё кого-то за собой утащить?

— Поразительно! — отрезал Чу Цы, отбросив мягкость. — Такой глупец, как ты, заслуживает того, чтобы им помыкали!

У Шэнь Юэ на лбу вздулись вены, но верёвки мешали ему броситься на собеседника.

— Могу поспорить, — продолжал юноша, — что когда ты увидел списки, в твоей душе вскипела обида. Ты ушёл в укромное место, чтобы совладать с собой, и вдруг услышал, как кто-то

уверенно рассуждает о том, что на экзамене был сговор, иначе результаты не были бы столь невероятными. Так? Ты вышел к нему, требуя доказательств, а тот подлец, словно оскорблённый твоим недоверием, выложил тебе всё и велел проверить самому. Я прав?

Шэнь Юэ в ужасе уставился на Чу Цы. Неужели этот человек стоял рядом и всё слышал? Как иначе он мог угадать каждое слово?

Заметив перемену в его лице, Чу Цы удовлетворённо улыбнулся:

— Вижу, я попал в точку. Так кто же этот человек? Он знает твои привычки, знает, где брат Чжоу прячет ключ... Вы ведь явно в близких отношениях. К слову, я слышал, ты тоже родом из городка Чанхэ?

— Нечего меня пытать! Да, это брат Сюй мне всё рассказал. Но я не считаю, что он меня использовал — он согласился только после моих долгих уговоров!

— И даже сейчас ты защищаешь его, взывая к землячеству? А он тем временем давно сговорился с другими, чтобы выставить тебя щитом.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Разве ты один скатился в рейтинге? Если он знал о «тайном сговоре», почему не пошёл к наставникам? Почему не спросил сам, а специально ошивался там, где ты обычно бываешь, и говорил так, чтобы ты услышал? Когда ты решил действовать, разве он тебя остановил? И когда тебя сейчас все презирали — разве он вышел, чтобы заступиться?

Шэнь Юэ замер, осмысливая услышанное. Его взгляд стал яростным, он повернулся к Сюй Цзяню и прорычал:

— Ну и ну, «брат» Сюй!

— Глава Кун, — произнёс Чу Цы, — этот Сюй Цзянь сначала оклеветал товарищей, а затем использовал близкого друга, чтобы избежать ответственности. Я предлагаю передать его в руки властей: лишить звания сюэя и провести в колодцах по улицам в назидание другим. Нельзя позволить одному человеку отравлять дух нашего училища.

— Нет! Меня заставили... — начал он.

— Брат Чу совершенно прав! — внезапно вмешался Ци Сюй, выступая вперёд. Его голос звучал твердо и решительно, лишенный обычной мягкости. — Таких коварных людей нельзя оставлять безнаказанными, иначе мы не очистим имя училища. Сюй Цзянь, советую тебе не тратить слова на пустые оправдания. Потерять звание — это лишь малая беда, но если из-за твоего упрямства пострадает вся твоя семья, горечь раскаяния будет невыносимой.

Провинившийся уставился на Ци Сюя, его губы задрожали. В этом взгляде читалось нечто, понятное лишь им двоим.

— Студент... признаёт вину, — выдохнул он.

Чу Цы с интересом наблюдал за последним, и тот, почувствовав внимание, спокойно посмотрел в ответ.

— Брат Чу, виновный найден. Можем ли мы теперь разойтись?

— Разумеется. Пусть каждый идёт по своим делам.

Ци Сюй отвесил глубокий поклон главе академии и учителям, после чего неспешно удалился. Остальные ученики, полные впечатлений, начали расходиться.

Чу Цы заметил, что Хэ Цзинь, который обычно следовал за Ци Сюем тенью, остался стоять на месте в нерешительности. Он порывался пойти следом, но словно какая-то мысль удерживала его.

Напоследок Хэ Цзинь бросил на Сюй Цзяня сложный, нечитаемый взгляд, после чего развернулся и быстро зашагал прочь, но совсем в другую сторону.

<http://bllate.org/book/15354/1435154>